

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-2-10-17

Зироевич Мина Т.

СУИЦИДАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И РЕЛИГИЯ

Институт сравнительного права Белграда, 11000, Республика Сербия mina.zirojevic@gmail.com

Аннотация. В своей работе автор рассматривает суицидальный терроризм как самый радикальный вид терроризма. На примерах показаны причины обращения к технологии терроризма, а также способы поиска самых оптимальных способов предотвращения или, по крайней мере, снижения, террористической угрозы. При анализе данной проблемы часто указывают, что главными мотивами самоубийц являются награды в раю или экономическая выгода или же уговоры семьи, однако мы считаем, что такой подход является слишком упрощенным. Социальные соприкосновения, в ходе любой, в том числе и межкультурной коммуникации, влияют на создание доверия, на преодоление предрассудков и предотвращение агрессивности. Игнорирование справедливости, объективной истины, терпимости, диалога, тяготение к превосходству и конфликту, стабильное уравнивание терроризма радикальной деструкцией и отмщением такими же или большими убийствами (принятие идеи очищения мира террором) – это «победы», которые никому не приносят добра. Такие победы могли бы осрамить победителя, особенно при том, что окончательная победа не возможна ни для одной страны. В данном исследовании мы постарались доказать, что главными мотивами является обесмысливание жизни, дегуманизация человека, общественной деятельности, различных культур.

Ключевые слова: ислам; религия; терроризм; акты самоубийств.

Mina Zirojević

SUICIDE TERRORISM AND RELIGION

Institute of Comparative Law Belgrade, 11000, Republic of Serbia, mina.zirojevic@gmail.com

Abstract. The author deals with suicide terrorists as the most radical version of terrorism. We can see examples and reasons to recourse terrorism and find optimal ways to eliminate or at least reduce this threat. In the analysis, it is stated that the main motives for suicide are rewards in heaven, or economic benefits, or persuasion of the family, but I think that it is too simplistic. For examples are evoked reasons for resorting to terrorism and finding optimal ways to eliminate or at least reducing this threat. Social contacts, even in intercultural communication, influence the building of trust, the overcoming of prejudices and suppress aggression. Ignoring justice, objective truth, tolerance, dialogue, consent to exclusiveness and conflict, to a stable balance of terrorism, radical destruction and vengeance of equal or greater death – consent to the purification of the world by terror, to «victories» that do not bring good to anybody. Such victories should spoil the winners, especially since the final victory is not possible for either side.

In this paper, I will try to prove that the main motive is the reflection of life, dehumanization of man, human activities, different cultures.

Keywords: Islam; religion; terrorism; acts of suicide.

Стало ли это концом всему? Стала ли тем самым ad acta эта самая большая противоположность идеалу? Или расплата просто отложена, отложена на более поздний срок?... Разве не должно когда-то в будущем произойти еще более страшного, долго подготавливаемого распространения пламени старого пожара? [34, с. 17].

27 июня 2015 года в Лондоне на параде в честь Дня войск Великобритании был обезврежен террорист-смертник. В ноябре 2005 года серия взрывов в Омане унесла жизни 60 человек, свыше 100 человек было ранено. Эти террористические атаки отличала согласованность, серьезность и стремление к установлению владычества ислама. В последние десятилетия увеличилось количество

подобных, исключительных по своей жестокости, атак террористов-смертников, что объясняет и рост числа исследований в области религии и политики.

При этом ранние исследования базировались на восприятии природы ислама и традиции мусульманских народов как «деструктивного феномена» [24; 27; 29]. Однако позднее анализ выявил наличие влияния ряда нерелигиозных факторов, таких как род деятельности, государственные репрессии, этническая фракционализация, уровень безработицы [5; 25]. В последние несколько лет имеют место прогрессивные изменения в дискуссии о религии и терроризме, но также и разногласия различных авторов. Так, одни считают, что религия не влияет на политическое насилие. При этом, другие, допуская, что религия способствует мотивации и вербовке новых борцов, указывают на то, что облик и масштаб насилия преимущественно зависит не от религиозных факторов. Иные авторы обращают внимание на группу организационных и мотивационных характеристик, которые, при наличии религиозного подтекста, приводят к жестокому насилию.

Такая тенденция развития ситуации в части исследования религии и политического насилия обусловила противостояние точек зрения ученых о понимании суицидального терроризма и влияния религии. Существующие подходы мы можем классифицировать по трем группам: первые авторы полагают, что причины террористических акций лежат вне религиозного контекста, но, при этом, мотивация и убеждения имеют религиозную основу; другие авторы считают, что терроризм не связан или очень мало связан с религией; иные авторы выделяют религию в качестве главной движущей силы и центрального звена терроризма. При этом, доказано, что фундаменталисты, фокусирующиеся исключительно на продвижении своего религиозного толка и его господства на мировой арене, могут произвести самые масштабные разрушения. Также, самые жестокие виды насилия могут иметь место в контексте националистической борьбы религиозно мотивированных групп. В тоже время, национализм, репрессии и/или экономическая составляющая могут играть более важную роль в определении масштаба акций суицидального терроризма.

1. Суицидальный терроризм. Вопрос о том, что является терроризмом, а что не является, уже давно является предметом дискуссии теоретиков, экспертов и политиков. Возможно, эксперты уже давно сошлись бы по поводу единого определения, если бы данная проблема в большой мере не включала в себя и политическую компоненту. На сегодня не существует единого определения терроризма, хотя в этом есть острая необходимость. Часто понятие терроризм заменяют понятием террора и наоборот, поэтому необходимо определить теоретическое разграничение этих двух дефиниций. Террор и терроризм являются видами насилия со стороны малых групп, хотя на практике имеют место и другие примеры. Понятие террора связывают с обличенной властью группой, которая используя устрашение и другие насильственные методы, старается сохранить власть, в то время как терроризм связывают с группами, которые своей целью ставят смену власти в независимости от того является ли она демократической или в крайней степени недемократической. И в одном, и в другом случае жертвой становится мирное население.

Терроризм представляет собой противоправный акт насилия направленный против определенного государства с целью породить страх и нанести коллективный ущерб для достижения определенной политической цели. Речь идет о преднамеренном применении силы, при этом терроризм используется как способ борьбы за реализацию данных политических целей.

Одной из главных целей является получение огласки – в соответствии с этим терроризм можно рассматривать сквозь призму коммуникационной теории символов (*Symbolic Communication Theory*) [8]. Карбер считает, что «как символический акт, терроризм можно анализировать так же как и другие способы коммуникации посредством рассмотрения его четырех составных частей: трансмитера (террориста), независимого получателя (цель), сообщения (бомба, засада) и обратной связи (реакция определенного круга слушателей)» [22]. Существует и толкование терроризма как театра, где целью не являются настоящие (фактические) жертвы, так как на самом деле целью является реакция зрителей [17]. Помимо этого, современный терроризм можно понимать как

попытку передачи сообщения посредством использования организованного политического насилия.

В соответствии с вышесказанным, суицидальный терроризм – это готовность индивида пожертвовать своей жизнью в ходе террористического акта во имя борьбы за достижение политических или религиозных целей. Суицидальный терроризм в основном включает в себя элементы терроризма на почве религии.

2. Религиозная идеология и границы понятия суицидального терроризма. Данная работа базируется на обзоре существующих исследований на тему религии и терроризма, при этом гипотезой автора является идея о том, что религия влияет на уровень суицидального терроризма посредством мобилизации и осмысления жизни шахида. Некоторые террористические организации полностью опираются на религиозную идеологию и оправдывают акции насилия высшими целями. Эта идеология выполняет разновидность функции коллективного воздействия и, таким образом, влияет на восприятие и поведение группы, вне зависимости от ее конечных целей.

2.1. Религия и политическое насилие. В рамках данной работы мы рассматриваем религию как особый вид системы верований, чья интеграция в политику может привести к драматичным последствиям. Религия представляет собой «систему верований и практик, ориентированных на святыню или сверхъестественное», а не на этическую гордость или либеральные ценности [42]. Слияние религии и политики приводит к драматических формам политического выражения и распространению локальных конфликтов с глобальной религиозной борьбой. Политическая мобилизация религиозных верований ставит под сомнение законность государственной власти и оправдывает действия экстремистов [2; 6]. Более того, универсальная природа многих религий объединяет отдельных людей по всему миру и, таким образом, делает возможным объединение вдохновенных религией течений в контексте глобальной борьбы, вне границ социально-экономического, политического [4; 6; 9], религиозного влияния отдельных стран.

Когда религия становится политическим игроком в контексте терроризма результатом

могут стать жестокие акты насилия. Религиозные группы в своем глобальном подходе сегодня видят воплощение борьбы против зла [18; 19], поэтому и своих неприятелей они рассматривают как воплощение зла. Кроме этого, неприятелями считаются не только люди другого вероисповедания, но также и все, кто не разделяет особое толкование религии, поэтому насилие может быть направлено и против мирных жителей того же сообщества. Как отмечают некоторые авторы, террористические группы, которые считают свою борьбу святым долгом, в основном используют неселективные акты насилия [7; 32; 16; 39]. Это отличает их от националистических групп, которые в своих попытках и действиях по определению должны демонстрировать, что они представляют определенную этническую группу, к которой они принадлежат, поэтому их акции ограничены локальными стандартами и находятся в зависимости от общественного мнения, что приводит к тому, что они практически никогда не выбирают в качестве целей членов своего локального сообщества [39].

В последние десятилетия такая связь религии и политического насилия стала драмой в мусульманском мире. Однако, мы считаем, что ислам не является единственным фактором радикализма, поэтому здесь не следует выделять мусульман *a priori*. Данное разделение на «нас» и «всех остальных» само по себе способствует увеличению динамики общественных движений, которые приводят к радикализму [48].

3. Религиозная идеология и суицидальный терроризм. В фокусе данного исследования находится функция религии по мобилизации членов организации и религия как движущий механизм суицидального терроризма [11; 12]. Если обратимся к определению Могадам (*Moghadam*), то мы можем рассматривать религиозную идеологию как политическую программу, основанную на религиозной традиции, в которой религиозный толк определенной группы важнее, чем ее этническая или классовая принадлежность [16]. В случае с исламом, данная идеология имеет политическую платформу, основанную на исламских символах даже когда конечная цель далеко не религиозная. Например, Хамас, стремясь к созданию палестинского государства, в своей преимущественно политической борьбе,

использует риторику с выражено религиозными символами. Таким образом, борьба приобретает интернациональный характер и позволяет привлечь помощь со всего мира.

Религиозная идеология прежде всего влияет на поведение на уровне группы. Отдельные члены могут присоединиться к группе по религиозным соображениям, но также и по другим, возможно, банальным причинам [1; 40]. На уровне группы необходим сильный когезивный фактор (фактор объединения элементов в составе целого – комментарий переводчика), который способствует преодолению индивидуальных различий членов группы и сделать возможным принятие актов жестокого насилия [42].

Для того, чтобы выделить определенную религиозную группу из ряда подобных, необходимо определить рамки нового течения. Это является самым важным элементом религиозной идеологии и тем, что объединяет членов группы. Также это обеспечивает доводы достаточно сильные, чтобы сделать возможным жестокое насилие, особенно в случаях атак террористов-смертников [3; 47]. Религиозная идеология является способом привлечения поддержки широкой общественности и мобилизации потенциальных добровольцев [13; 43].

В течение десятилетий исследований было выявлено, что именно использование религии приводит к драматичным результатам. Даже, если они имеют политические мотивы, религиозные террористические группы достигают успеха используя религиозные основы. Перцепция глобального характера борьбы и «исключительности» выделяет их и дает превосходство над своими сонародниками, которые считаются и клеймятся ими как неприятели за то, что они не придерживаются религиозного толка данной группы [26].

Религиозная группа может иметь цели схожие с целями других многочисленных групп не религиозного характера, которые организуют атаки террористов-смертников. Когда религиозная группа решает прибегнуть к тактике использования атак террористов-смертников, то она будет стремиться к достижению максимального количество убитых с

целью максимального освещения в СМИ. Конечно, при этом выбор жертв будет случайным. В противоположность этому, не религиозные группы будут стараться минимизировать количество жертв, чтобы избежать общественного осуждения и будут локализовать свои разрушительные атаки вне собственного сообщества.

4. Модели суицидальных террористических атак. В своем детальном исследовании Питер Хейн (*Peter S. Henne*) создал модель на основе использования информации о атаках террористов-смертников и о самих смертниках, а также о социально-экономических, политических, культурных условиях, в которых были совершены атаки [15]. Информация об атаках была получена на основе данных проекта Капуста, проведенного в американской школе высшего военного образования, которые охватывали суицидальные атаки бомбистов в период с 1980 по 2006 годы, включая количество погибших, место, цель и организаторов (когда они были известны) [21]. Объектом изучения в ходе данного проекта выступала суицидальная террористическая атака.

Результаты анализа данных указывают значимость религиозной идеологии. Религиозная идеология группы, ответственной за террористическую атаку смертников, находится в положительной корреляции с тяжестью ущерба от атаки и оказывает влияние на насилие вне зависимости от того является ли группа этнорелигиозной или фундаменталистской.

Предварительный анализ данных указывает на большую смертность в ходе атак религиозных групп. Из 2200 атак, 841 были совершены религиозными группами, 253 были совершены не религиозными, а в 1108 случаях организаторы остались неизвестны. В случае атак религиозных групп, 619 были организованы этнорелигиозными группами и 222 фундаменталистскими группами. Среднее количество жертв в ходе атак составило 8; у религиозных групп это число составило 12, а для не религиозных групп 5. Результаты показали, что группы с религиозной идеологией имели большие шансы вызвать максимальное количество жертв в ходе атаки террориста-смертника.

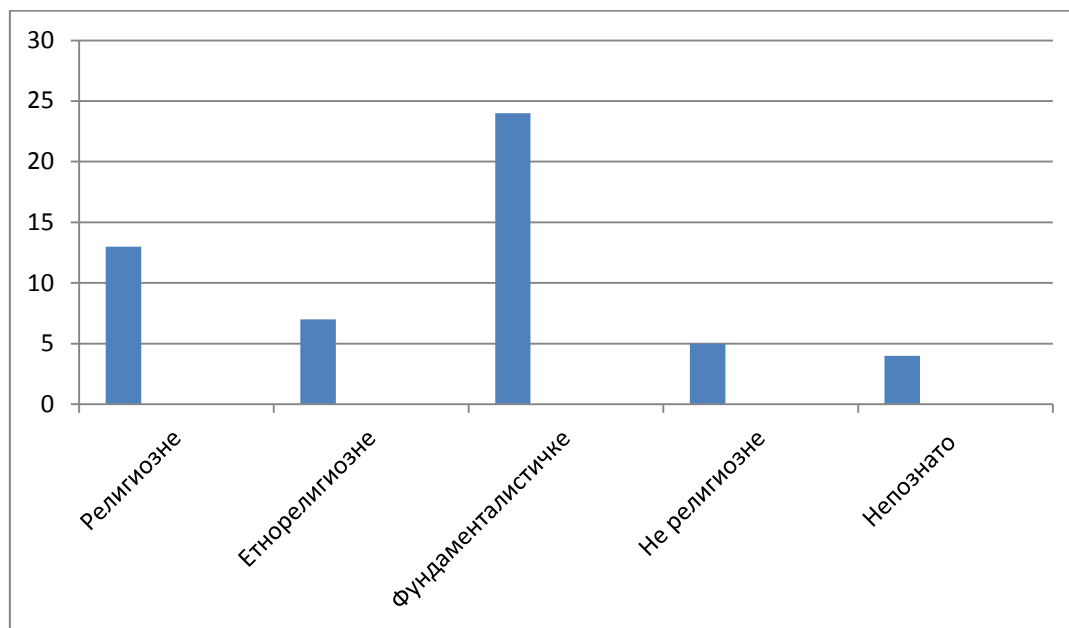

Рис. 1. Религиозная идеология

Fig. 1. Religious ideology

Высокий уровень насилия, продемонстрированный религиозными террористическими группами, является следствием их религиозной идеологии, а не только структурных условий. Более того, хотя мотивы группы очень важны, сама религиозная идеология остается значительным детерминантом уровня суицидального террористического насилия; это способ посредством которого группа демонстрирует свою культуру и интерпретацию структурной неудовлетворенности, которая определяет их уровень насилия. Поэтому объяснение феномена религиозного терроризма необходимо строить на том, чего придерживается террористическая группа в своей идеологии и как эта идеология используется для того, чтобы оправдать акты насилия.

Сегодня, когда Исламское государство, которое является самой мощной террористической организацией за всю историю, ведет активную борьбу и когда над всем международным сообществом нависла проблема терроризма на религиозной основе, необходимо исследование всех аспектов этой проблемы. Политики должны принять то, что религиозные террористические группы действуют по-другому в силу наличия религиозного элемента. В то время как меньшинство военных союзников или сторонников этих групп могут быть склонены к переговорам, фракции с религиозной программой показывают высокую устойчивость ко всем усилиям по урегулированию конфликта. По

нашему мнению, самым продуктивным способом решения этой проблемы в долгосрочной перспективе является образование и возвращение к истинным, ненасильственным основам религии.

Заклучение и выводы. Часто в аналитике и СМИ мы встречаем слишком упрощенное объяснение, что главным мотивом террористов-смертников является награда статусом жителя рая. Вероятно, это может быть одной из причин, почему потенциальный смертник решается на террористический акт самоубийства. Обесмысливание его жизни индивидуально, но оно не изолировано, а наоборот связано с частным и общим обесмысливанием – унижением и дегуманизацией жизни его окружения, «в основе процесса дегуманизации человека, человеческих поступков и действий лежит именно процесс обесмысливания человеческой жизни» [46].

Диалог, направленный на поиск политического решения, между враждующими сторонами подразумевает язык как средство коммуникации людей. Условием для этого также является состояние *атараксии* – состояние душевного мира как идеала мудрых людей. *Атараксия* у стоиков является идеалом мудреца, который этого состояния достигает, когда возвысится над своими страстями. В ходе коммуникации, однако, происходит интеракция, в которой находят выражение различные индивидуальные, групповые, общественно-политические, государственные, культурные и другие интересы. Раньше приоритет давался процессам достижения договоренности

посредством консенсуса, при этом конфликтные процессы прекращались. Сегодня, по Францу Врегу (*France Vreg*), парадигма новой коммуникационной интеракции «(...) базируется на гипотезе о том, что коммуникации являются способом стратегической интеракции, которая содержит в себе два разнонаправленных процесса: процесс сближения, конъюнкции двух личностей или двух индивидуумов и процесса удаления, дизъюнкции двух личностей, т.е. сохранение идентичности, собственного интереса и силы» [49].

В межкультурной коммуникации речь идет о «встрече» культур с различной исторической и культурной традицией, с различными цивилизациями и степенями социально-экономического и технологического развития». Обыденная действительность показывает нам, что, чаще всего, речь не идет о мирном сосуществовании культур, но о «встрече», «разделении» и «столкновении» двух или более культур, двух или более личностей, двух или более национальных, религиозных, идеологических идентичностей. «Межкультурные коммуникации, – напоминает Врег, – это способность преодолевать культурные барьеры». Представитель западной культуры часто демонстрирует своеобразный культурный нарциссизм и не проявляет достаточного интереса к знакомству с ценностями других культур. Наоборот, он часто без критического осмысления принимает доктрину о «столкновении цивилизаций» и разделении мирового населения, например, по Самуэлю Хантингтону (*Samuel Huntington*) на «западный», «исламский», «индуистский», «будистский» мир и разделение народов по Гегелю (*Wilhelm Friedrich Hegel*) на «исторические» и «неисторические». Плюрализм культур, языков и права на достойное существование являются необходимыми предусловиями правды и истины, а борьба за истину и справедливость подразумевает принятие конкретной ответственности. В соответствии с теорией социальных коммуникаций Йиргена Хабермаса (*Jürgen Habermas*), «истина представляется в образе согласия (консенсуса) в рамках отдельного универсального разговора, который, насколько это возможно, лишен подхода с позиции силы» [14].

Социальные соприкосновения, в ходе любой, в том числе и межкультурной коммуникации, влияют на создание доверия, на преодоление предрассудков и предотвращение агрессивности. Игнорирование справедливости, объективной истины, терпимости, диалога, тяготение к превосходству и конфликту, стабильное уравнивание терроризма радикальной деструкцией и отмщением такими же

или большими убийствами (принятие идеи очищения мира террором) – это «победы», которые никому не приносят добра. Такие победы могли бы осрамить победителя, особенно при том, что окончательная победа не возможна ни для одной страны [53].

Ошибочно мнение о том, что каждый потенциальный самоубийца – это просто «списанный» член общества и его родители и все остальные родственники неизмеримо счастливы от того, что шлют его на верную смерть. Так результаты исследования Юлии Юзик показали, что шахидки – это глубоко несчастные женщины, насильно завербованные, подвергаемые манипуляциям, а иногда и действию наркотиков. Их мотивация не всегда обусловлена исключительно религиозными соображениями, но часто угрозами, унижениями, любовью к террористу и даже деньгами. Они всегда изолированы от семьи и подвергнуты психологической обработке. Большинство из них все же до самого конца сохраняют желание жить и нередко отказываются от самоубийства.

Однако, опасность этой угрозы велика. Широкие платья и чадры являются хорошей маскировкой для любого вида взрывчатки. Вуаль на лице женщин-смертниц не позволяет увидеть нервничает ли она, выступили ли у нее капли пота от страха, что выражает ее взгляд, предвещает ли что-то ее лицо – безучастное или искаженное гримасой боли. Даже израильтяне согласны с тем, что борьба против такого вида терроризма является самой сложной, самой трудной и самой деликатной. В исламском мире невозможно остановить и досмотреть каждую женщину, нет массового контроля.

Если мы вовремя не начнем противостоять и решать данную проблему, то следующим, что нас, скорее всего, ожидает, станут дети-самоубийцы, что из любого аспекта является неприемлемым.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: authors have no conflict of interests to declare.

References

1. Abrahms M. What Terrorists Really Want: Terrorist Motives and Counterterrorist Strategy. *International Security*. 2008. № 4. P. 78-105.
2. Appleby R. S. *The Ambivalence of the Sacred*. Lanham: Rowman and Littlefield. 2000.
3. Benford R.D., Snow D.A. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26, 611-639.

4. Beyer P. Religions in Global Society. New York: Routledge, 2006.
5. Bloom M. Dying to Kill: The Allure of Suicide Terrorism. New York: Columbia University Press, 2007. 133 p.
6. Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
7. Cronin A.K. Behind the Curve: Globalization and International Terrorism. *International Security*. 2002/2003. Vol. 27, № 3. P. 30-58.
8. Dowling R.E. Terrorism and the media: A rhetorical genre. *Journal of Communication*. 1983. P. 1-24.
9. Eickelman D.F. Trans-State Islam and Security. *Transnational Religion and Fading States* (eds. Susanna Hoeber Rudolph, James P. Piscatori). Boulder: Westview Press, 1996. P. 27-46.
10. Fox J., Sandler S. The Ancient Fire: Religion and Suicide Terrorism. 55 p.
11. Fox J., Sandler S. Bringing Religion into International Relations. New York: Palgrave MacMillan, 2004.
12. Hafez M.M. Armed Islamist Movements and Political Violence in Algeria. *Middle East Journal*. 2000. Vol. 54, № 4. P. 572-591.
13. Hafez M.M. From Marginalization to Massacres: A Political Process Explanation of GIA Violence in Algeria, *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach* (ed. Quintan Wiktorowicz). Bloomington: University of Indiana Press, 2004. P. 37-60.
14. Halder A. *Filozofijski rječnik*. Zagreb: Naklada Jurčić, 2002.
15. Henne P.S. The Ancient Fire: Religion and Suicide Terrorism. *Terrorism and Political Violence*. 2012. Vol. 24. P. 38-60.
16. Hoffman B. Holy Terror: The Implications of Terrorism Motivated by a Religious Imperative. *Studies in Conflict and Terrorism*. 1995. Vol. 18, № 4. P. 271-284.
17. Jenkins B. *International Terrorism*. Los Angeles: Crescent Publication, 1975.
18. Juergensmeyer M. (ed.) *Violence and the Sacred in the Modern World*. London: Frank Cass, 1992. P. 101-118.
19. Juergensmeyer M. *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California Press, 2003.
20. Jusik J. The brides Allahs. *Suicide assassin inside from Chechnya*. Rome Manifesto Libri, 2004.
21. Kapusta, P. *Suicide Bombers in CONUS*, School of Advanced Military Studies – United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth, Kansas. URL: <http://www.dtic.mil/cgibin/GetTRDoc?AD=ADA470697&Location=U2&doc=GetTRDoc.pdf>. (date of access: 15.04.2017)
22. Karber P. «Urban terrorism: Baseline data and a conceptual framework. *Social Science Quarterly*. Bleckwell: Bleckwell Publishing, 1971. Vol 52. P. 527-533.
23. Kots A., Velengurin V. Guliashchaya shakhidka s Tverskoi (Sluttish female shakid from Tverskaja street). *Komsomolskaya Pravda*. Vol. 17. July 2003.
24. Kramer M. Sacrifice and Fratricide in Shiite Lebanon. *Violence and the Sacred in the Modern World* (ed. Mark Juergensmeyer). London: Frank Cass, 1992. P. 30-48.
25. Krueger A.B., Maleckova J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17, № 4. P. 119-144.
26. Kydd A., Walter B.F. The Strategies of Terrorism. *International Security* 2006. Vol. 31, № 1. P. 49-80.
27. Lewis B. The Roots of Muslim Rage. *The Atlantic Monthly*. 1990. Vol. 266, № 3. P. 47-60.
28. Lobanova Z. Pochemu shakhidki ne boyatsa smerti (Why do female shahidids have no fear of death?). *Komsomolskaya Pravda*. Vol. 8. July 2003.
29. Maddy-Weitzman B., Inbar Efraim (eds.) *Religious Radicalism in the Greater Middle East*. London: Frank Cass, 1997. P. 239-253.
30. Masters D. The Origin of Terrorist Threats: Religious, Separatist, or Something Else? *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, № 3. P. 396-414.
31. Meier A. Chechnya: to the heart of a conflict. New York: W.W. Norton & Company, 2005. 98 p.
32. Moghadam A. Motives for Martyrdom. *International Security*. Winter 2008/2009. Vol. 33, № 3. P. 46-78.
33. Moghadam A. The Salafi-Jihad as a Religious Ideology. *CTC Sentinel*. 2008. Vol. 1, № 3. P. 14-17.
34. Nietzsche, F. *On the Genealogy of Morals and Ecce Homo* (trans. W. Kauffman and R. J. Hollingdale). New York: Vintage Books, 1989. 54 p.
35. URL: <https://transmediji.files.wordpress.com/2013/03/genealogija-morala.pdf>. (date of access: 15.04.2017)
36. Pape R.A. *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*. New York: Random House, 2006.
37. Pearce S. Religious Rage: A Quantitative Analysis of the Intensity of Religious Conflicts. *Terrorism and Political Violence*. 2005. Vol. 17, № 3. P. 333-352.
38. Petrović D. *Samoubilački terorizam*, Institut za uporedno parvo. Beograd, 2009.
39. Piazza J.A. Rooted in Poverty?: Terrorism, Poor Economic development, and Social Cleavages. *Terrorism and Political Violence*. 2006. Vol. 18, № 1. P. 159-177.
40. Rapoport D.C. Fear and Trembling: Terrorism in Three Religious Traditions. *American Political Science Review*. 1984. Vol. 78, № 3. P. 658-677.
41. Sageman Marc *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.
42. Shcheblanova V., Yarskaya-Smirnova E. Explanations of Female Terrorism. *Discourses about Chechen Terrorists in the Russian Mass Media: Easy Girls. Coarse Women or Fighters?* 2009.
43. Smith C. Correcting a Curious Neglect, or Bringing Religion Back, *Disruptive Religion: The Force of Faith in Social Movement Activism* (ed. Christian Smith). New York: Routledge, 1996. P. 1-29.
44. Snow D.A., Byrd R.C. Ideology, Framing Processes and Islamic Terrorist Movements. *Mobilization: An International Journal*. 2007. Vol. 12, № 2. P. 119-136.

45. Speckhard A., Akhmedova K. Black Widows and beyond: Understanding the motivations and life trajectories of Chechen female terrorists, *Female Terrorism and Militancy: Agency, Utility, and Organization* (ed. Cindy D. Ness). New York: Routledge, 2008. P. 100-121.

46. Stern J. *Terror in the Name of God: Why Religious Militants Kill*. New York: Ecco, 2003.

47. Šešić B. *Čovek, smisao i besmisao: dijalektika smisla i besmisla*. Beograd: Rad, 1977.

48. Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. New York: Cambridge University Press, 1998.

49. Toft M. Getting Religion?: The Puzzling Case of Islam and Civil War. *International Security*. 2007. Vol. 31, № 4. P. 97-131.

50. Vreg F. *Humana komunikologija: etološki vidici komuniciranja, ponašanja, djelovanja i opstanka živih bića*. Zagreb: Nonacom i Hrvatsko komunikološko društvo, 1998.

51. Weimann G. The mediated theater of terror: Must the show go on? The news media and terrorism (ed. Philip Bruck). Ottawa: Carlton University Press, 1986. P. 1-22.

52. Weimann G., Winn C. *The Theater of Terror*. New York: Longman Publication, 1994.

53. Yamadayev R. Oni priatshutsia za zhenskiye spiny, pozor! (They hide behind women's backs, what a shame!). *Komsomolskaya Pravda*. Vol. 25. Oktobar 2002.

54. Zirojević Mina *Terorizam – međunarodni pogled*. Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu, 2014.

Зироевич Мина Т., доктор наук, научный сотрудник Института сравнительного права города Белграда.

Mina T. Zirojević, PhD, Researcher, Institute of Comparative Law Belgrade.